

RU

Переосмысление китайского исторического канона в прозе Анчи Мин

Коробко К. В., Несмелова О. О.

Аннотация. Цель данного исследования – выявить художественные механизмы, посредством которых проза Анчи Мин переосмысляет исторический канон Китая и актуализирует конфликт интерпретаций прошлого в пространстве культурной памяти. В статье анализируются мемуары «Красная азалия» (1994), а также исторические романы «Стать Мадам Мао» (2001), «Императрица Орхидея» (2004) и «Воспоминания императрицы» (2007) с точки зрения их взаимодействия с историческим нарративом. Научная новизна заключается в том, что сформулирована и обоснована модель одновременного функционирования мифологизации и демифологизации в прозе Анчи Мин: доказано, что их сочетание приводит к созданию «подвижного» образа исторической фигуры. В результате выявлено, что синтез традиций мемуарной прозы и исторического романа выступает единой стратегией, переводящей макроисторическую перспективу в оптику личного переживания, а особенности повествовательной организации текста способствуют созданию сложных и неоднозначных образов исторических персонажей и раскрывают культурную память как процесс бесконечных интерпретаций.

EN

Reimagining the Chinese historical canon in the prose of Anchee Min

K. V. Korobko, O. O. Nesmelova

Abstract. The aim of this research is to identify the artistic mechanisms through which Anchee Min's prose reimagines the Chinese historical canon and actualizes the conflict of interpretations of the past within the space of cultural memory. The article analyzes the memoir "Red Azalea" (1994), as well as the historical novels "Becoming Madame Mao" (2001), "Empress Orchid" (2004), and "The Last Empress" (2007) from the perspective of their interaction with the historical narrative. The scientific novelty lies in the formulation and substantiation of a model for the simultaneous functioning of mythologization and demythologization in Anchee Min's prose: it is demonstrated that their combination leads to the creation of a "fluid" image of the historical figure. The results reveal that the synthesis of memoir traditions and the historical novel serves as a unified strategy that shifts the macro-historical perspective into the lens of personal experience. Furthermore, the specific narrative organization of the texts facilitates the creation of complex and multifaceted historical characters and presents cultural memory as a process of continuous interpretations.

Введение

Проблема художественной интерпретации национальной истории занимает важное место в современной литературоведческой парадигме, особенно в исследованиях, посвященных литературе диаспоры, где обращение к прошлому осуществляется вне рамок официального историографического канона. В этом контексте проза Анчи Мин, китайско-американской писательницы, представляет особый интерес, поскольку ключевые фигуры китайской истории в ее произведениях осмысляются через призму культурной памяти, субъективного опыта и женской перспективы (т. е. точки зрения, задаваемой автором/рассказчиком/героиней и предполагающей фокус на женском опыте и обусловленных им социальных ролях).

Следует подчеркнуть, что художественная стратегия Анчи Мин не соотносится с жанром альтернативной истории в строгом смысле данного термина. Писательница не предлагает гипотетических версий исторического развития и не моделирует иные варианты хода событий, а сохраняет опору на признанный исторический канон. Трансформация истории в ее прозе осуществляется не на уровне фактической реконфигурации прошлого, а на уровне интерпретации, смещения акцентов и личностного преломления исторического нарратива. «В подобных текстах – условно назовем их “художественные тексты миграционного опыта” – произведение, подобно актеру в брехтовском театре, не растворяется в иллюзии завершеного повествования, а сохраняет фокус на самом процессе рассказывания» (Нают, 2006, р. 604) (перевод авторов статьи. – К. К., О. Н.). В центре внимания оказывается не вопрос «что могло бы быть», а проблема того, как история переживается,

запоминается и переосмысливается отдельной личностью, находящейся в пространстве культурного разрыва и диаспорального опыта.

Актуальность исследования обусловлена совокупностью современных научных предпосылок и запросов гуманитарного знания, связанных с пересмотром способов репрезентации исторического прошлого в литературе. Междисциплинарная востребованность этой проблематики подтверждается оформлением исследований памяти как самостоятельного научного направления: Ассоциация исследований памяти (The Memory Studies Association) была запущена на учредительной конференции в Амстердаме (3-5 декабря 2016 г.) и позиционируется как международная площадка, объединяющая исследователей, а также тех, кто работает в сферах, связанных с памятью (музеи, архивы, искусство и т. д.). Дополнительным индикатором устойчивого интереса выступает наличие специализированных научных изданий – в частности, журнал *Memory Studies* (SAGE Publications Inc), определяющий себя как критическое поле для диалога и дискуссий по теоретическим, эмпирическим и методологическим вопросам, ключевым для понимания памяти.

Параллельно в 2020-х гг. заметно расширяется и систематизируется методологический инструментарий, применяемый к анализу литературных текстов и повествовательных стратегий. Так, «Пэлгрейвский справочник по литературным исследованиям памяти» (The Palgrave Handbook of Literary Memory Studies, 2025) под редакцией Люси Бонд, Сюзанны Радстон и Джессики Рэпсон систематизирует направления изучения связи памяти и литературы и показывает, что литературные формы рассматриваются не как иллюстрация исторического знания, а как особый способ его организации. «Справочник издательства “Рутледж” по активизму памяти» (The Routledge Handbook of Memory Activism, 2023) под редакцией Ифат Гутман и Дженни Вюстенберг описывает становление направления, рассматривающего память в связи с публичными конфликтами вокруг прошлого и социальными практиками пересмотра и нового осмысления исторических символов. Наконец, сборник «Культурная память: от наук к гуманитарному знанию» (Cultural Memory: From the Sciences to the Humanities, 2023) под редакцией Дональда Р. Вирса, Сюзанны Налбантхан и Дона М. Таккера демонстрирует расширение исследовательского поля посредством диалога гуманитарных, социальных и естественно-научных подходов и подчеркивает продуктивность междисциплинарных рамок для анализа культурной памяти в разных формах выражения, включая художественные. В смежной зоне – исследования автобиографических и «я-нарративов» как носителей коллективных смыслов: монография Хайвела Дикса «Автофикшн и культурная память» (Dix, 2023) подчеркивает поворот от индивидуального к социальному измерению повествования.

Отечественная гуманитарная наука развивается в том же проблемном поле, что подтверждается рядом коллективных исследований и институциональных инициатив. Так, в российской историографической и культурологической перспективе соотношение истории, памяти и идентичности концептуализируется в коллективной монографии «Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности» (Васильев, Высокова, Заиченко и др., 2020), где память рассматривается как значимый механизм формирования современных представлений о прошлом. В проблематике публичных конфликтов вокруг прошлого показательна коллективная монография «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы» (2020) под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко, сосредотачивающаяся на нарративных практиках, через которые прошлое приобретает актуальные смыслы. Наконец, устойчивое присутствие темы в академическом пространстве проявляется в создании и деятельности специализированных исследовательских площадок, в частности Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, ориентированного на междисциплинарное взаимодействие исследователей памяти.

В связи с этим обращение к корпусу текстов Анчи Мин отвечает актуальному научному запросу на предметное описание того, какими нарративными стратегиями художественная проза переводит прошлое из зоны канонической «данности» в режим интерпретируемого опыта. Исследование позволяет уточнить, как на стыке автобиографического письма и исторической реконструкции формируются образы исторических персонажей и как переосмысливается их место в культурной памяти, – проблематика, находящаяся в фокусе современных междисциплинарных дискуссий о прошлом и его культурных формах.

Материалом исследования послужили мемуары Анчи Мин «Красная азалия» (Red Azalea, 1994) (Min, 1994), а также исторические романы «Стать Мадам Мао» (Becoming Madame Mao, 2000) (Мин, 2006), «Императрица Орхидея» (Empress Orchid, 2004) (Мин, 2007) и «Воспоминания императрицы» (The Last Empress, 2007) (Мин, 2008), образующие тематически и концептуально связанную художественную систему. Эти произведения объединяет обращение к женским образам, находящимся в центре политической власти, а также стремление переосмыслить их репутацию, закрепленную в официальном историческом дискурсе.

Задачи исследования состоят в том, чтобы, во-первых, охарактеризовать принципы художественной работы Анчи Мин с историческим материалом; во-вторых, установить жанрово-композиционные особенности корпуса текстов; в-третьих, выделить и описать ключевые нарративные приемы, обеспечивающие интерпретационную вариативность прошлого; в-четвертых, выявить механизмы мифологизации и демифологизации исторических персонажей.

Теоретическую базу исследования составляют труды по теории нарратива, культурной памяти и художественной репрезентации истории, а также исследования, посвященные литературе диаспоры и транснациональному опыту. В работе используются положения нарратологии (Phelan, Rabinowitz, 2005; Richardson, 2006; Bal, 2017; Обдалова, Левашкина, 2019), позволяющие анализировать особенности повествовательной перспективы Анчи Мин. Существенное значение имеют концепции культурной памяти и исторического нарратива (Ассман, 2004; Hirsch, 2012; Капитонова, 2019), в рамках которых история рассматривается как процесс

интерпретации и переосмысления прошлого, а не как набор окончательных и неизменных представлений о нем. Важным источником для осмысления взаимосвязи истории, памяти и идентичности в гуманитарном знании является коллективный труд «Событие в истории, памяти и нарративах идентичности» (2017), в котором исторический нарратив анализируется как дискурсивная форма конструирования прошлого в культурной и социальной перспективе. Кроме того, исследование опирается на работы по китайско-американской литературе и прозе Анчи Мин (Somerson, 1997; Xu, 2004; Nayot, 2006; Lau, Yap, 2019; Букагая, 2015; 2019).

В работе применяются методы структурно-семантического и нарратологического анализа, позволяющие выявить особенности композиции, повествовательных стратегий и временной организации текста. Используется сравнительно-типологический метод при сопоставлении романов Анчи Мин с произведениями других авторов, обращающихся к образам Цзян Цин и императрицы Цыси. Элементы культурно-исторического анализа позволяют рассмотреть художественные тексты в контексте историографических интерпретаций и коллективной памяти. Кроме того, применяется герменевтический анализ, направленный на выявление механизмов мифологизации и демифологизации исторических персонажей в художественном дискурсе.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении нарративных механизмов художественной репрезентации истории в прозе китайско-американских авторов и в анализе формирования образов исторических персонажей как интерпретируемых конструкций культурной памяти. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов в курсах по зарубежной литературе XX–XXI вв., эмигрантской литературе, а также при подготовке учебных и научных материалов, посвященных проблемам исторического нарратива и женской перспективы в художественной литературе.

Обсуждение и результаты

Анчи Мин (Anchee Min, род. 1957) относится к поколению китайских интеллектуалов, чье личностное формирование пришлось на период Культурной революции. В детстве и юности она была активно вовлечена в идеологические практики эпохи: состояла в рядах хунвейбинов, участвовала в политических кампаниях и в подростковом возрасте была направлена на принудительные сельскохозяйственные работы в рамках политики «отправки образованной молодежи в деревню». Этот опыт, сопряженный с идеологическим давлением, физическим насилием и утратой автономии, стал определяющим для ее дальнейшего мировоззрения и творческой позиции. После окончания Культурной революции Анчи Мин получила возможность покинуть Китай и в 1984 г. эмигрировала в США, где начала осмыслять пережитый опыт в условиях иной культурной и ценностной системы (Min, 1994; Xu, 2012, p. 181). Мемуары «Красная азалия» (Min, 1994), описывающие события 1966–1976 гг. и последующую эмиграцию, становятся для нее методологической основой художественного обращения к истории.

В мемуарах Анчи Мин отходит от характерной для значительной части китайской эмигрантской литературы стратегии саморепрезентации, основанной на исключительном акценте на позиции жертвы. Напротив, в своем повествовании она нередко инкриминирует саму себя, признавая собственную причастность к идеологическим и социальным практикам Китая 1966–1976 гг. (Xu, 2000; Lau, Yap, 2019). Анчи Мин последовательно подчеркивает собственную вовлеченность в события Культурной революции, тем самым признавая наличие личной ответственности даже в условиях тоталитарного режима. Стратегия самопроблематизации становится устойчивым принципом ее авторской поэтики и находит продолжение в исторических романах «Стать Мадам Мао» (*Becoming Madame Mao*, 2000), «Императрица Орхидея» (*Empress Orchid*, 2004) и «Воспоминания императрицы» (*The Last Empress*, 2007). Обращаясь к образам Цзян Цин и императрицы Цыси, Анчи Мин сознательно отказывается от их однозначного осмысления в рамках бинарной оппозиции «жертва – злодей», акцентируя противоречивое сочетание подчиненности системе и активного участия в формировании властных и репрессивных структур.

Описанная выше стратегия определяет и специфику интерпретации прозы Анчи Мин в научном дискурсе. Попытки рассматривать ее произведения преимущественно в рамках национального или этнического контекста нередко сводят сложность авторского замысла к модели традиционного эмигрантского или этнического романа становления, что не позволяет в полной мере учесть транснациональный характер ее прозы. Между тем формальная доступность и сюжетная «популярность» произведений Анчи Мин не исключают, а, напротив, маскируют более сложную систему художественных смыслов и приемов их организации. В этом случае художественный текст начинает восприниматься как назидательное «послание от них к нам», в результате чего, как отмечает Эрик Хайот, проза Анчи Мин в своем популярном модусе «работает прежде всего как напоминание о том, насколько благополучно живет «нам», американцам» (Nayot, 2006, p. 617). Чтение ее текстов «против течения» рецептивных клише и авторских интервью позволяет выявить, что отказ от модели повествования, сосредоточенной на позиции жертвы, служит не только этической, но и эстетической стратегией, направленной на переосмысление исторического канона за пределами одномерных национальных интерпретаций.

Показательным в этом отношении является пролог романа «Стать Мадам Мао», открывающийся вопросом: “What does history recognize? A dish made of a hundred sparrows – a plate of mouths” (Min, 2000). / «Что признает история? Блюдо из сотен воробьев – сотен ртов» (Мин, 2006, с. 13) (пер. Н. Вуля). Уже в этой формуле задается принципиально важный для поэтики писательницы вектор – история предстает как метафорически сконструированная сцена неравенства и насилия. Вопрос «что признает история?» акцентирует избирательность исторической памяти, тогда как образы «блюда» и «ртов» переводят разговор из абстрактно-идеологической плоскости в телесно-материальное измерение власти. Метафора опирается на узнаваемый исторический контекст коммунистического Китая – кампанию по борьбе с «четырьмя вредителями» (Кузнецов, 2021), в ходе которой массовое истребление воробьев привело к нарушению экологического баланса,

неурожаем и голоду; «блюдо из воробьев» оказывается знаком политического действия и его катастрофических последствий. Тем самым Анчи Мин сразу же отказывается от модели повествования, основанной на морализаторском противопоставлении жертвы и обидчика: ее интерес сосредоточен на механизмах участия субъекта в историческом процессе, даже если это участие осуществляется в условиях жесткого идеологического давления.

Роман «Стать Мадам Мао» посвящен художественной реконструкции жизненного пути Цзян Цин – четвертой жены Мао Цзэдуна, актрисы и одной из ключевых политических фигур периода Культурной революции, чье имя в официальной историографии устойчиво связано с «бандой четырех» и репрессивной культурной политикой конца 1960-1970-х гг. (Виноградов, 2016, с. 178-1183). В романе «Стать Мадам Мао» Анчи Мин формирует образ Цзян Цин вне упрощенных оценочных моделей, помещая его в контекст исторического «признания», в котором взаимосвязаны личная ответственность, стремление к власти и институциональные формы насилия.

Так, роман «Стать Мадам Мао» существенно отличается от других литературных интерпретаций образа Цзян Цин, в которых акцент делается на внешнем описании ее политической роли и символического статуса. Это различие особенно отчетливо проявляется при сопоставлении текста Анчи Мин с произведением Люсьена Бодара «Тень Мао» (Lucien Bodard *“Le Chien de Mao”*, 1998) (Бодар, 1996), в котором историческая фигура получает иное интерпретационное наполнение. В то время как в «Тени Мао» образ Цзян Цин формируется преимущественно в логике внешнего наблюдения и историографического комментария, подчеркивающего ее роль в политическом процессе эпохи, Анчи Мин смещает акцент на внутреннюю перспективу персонажа. Композиция «Мадам Мао» строится на чередовании двух повествовательных планов: относительно нейтрального рассказа от третьего лица и фрагментов, переданных от первого лица и принадлежащих самой Цзян Цин. Вставные комментарии Мадам Мао выполняют функцию саморефлексии, что отражает напряженное соотношение личной и общественной перспектив, лежащее в основе культурной репрезентации данной исторической фигуры. Внутренний голос героини при этом выражает ощущение заранее сформированного общественного приговора: «Больше всего меня пугает то, что ненависть к актрисе из Шанхая уже носится в воздухе, хотя моя главная пьеса еще и не началась. Люди не хотят смотреть это представление, и их силком затащили сюда. Каждое слово режет их уши, а каждая сцена жжет глаза» (Мин, 2006, с. 212). Цзян Цин в интерпретации Анчи Мин осознает себя объектом коллективного ожидания и осуждения.

В финальном акте саморефлексии мотив театральности происходящего перерастает в осознание собственной роли в историческом процессе: «Что ж, пора уходить со сцены. Помните, что вы всегда будете встречать мое имя в книгах о Китае. Не удивляйтесь, если оно будет кое-где вымарано. <...> Я играла со всей страстью и любовью. Те, кто очарован мною, могут сейчас аплодировать. Ну, а те, кто возненавидел меня, могут плюнуть. И все же я благодарю вас всех за то, что вы пришли ко мне» (Мин, 2006, с. 443). Цзян Цин окончательно принимает статус исторического персонажа, существующего не столько в реальности, сколько в пространстве памяти. Осознание неизбежной идеологической обусловленности собственного образа в истории сопровождается отказом от желания оправдаться: героиня признает право истории на искажение, не отказываясь при этом от признания собственной ответственности. Соответственно, в последующих романах Анчи Мин центральное место также занимает фигура «женщины у власти», осознающей себя объектом исторического «прочтения». В «Императрице Орхидее» и «Воспоминаниях императрицы» тема «женщины у власти» получает иное историческое наполнение, но сохраняет общий принцип: история предстает как пространство, в котором женский образ конструируется через сочетание саморефлексии, политической вовлеченности и неизбежной интерпретации в рамках культурной памяти.

Обращение к образу императрицы Цыси является переходом от анализа революционного Китая XX века к художественному осмыслению наследия императорской эпохи. Если в романе «Императрица Орхидея» Анчи Мин сосредоточивается на раннем этапе становления Цыси как наложницы и формировании ее политического самосознания в условиях дворцовой иерархии, то в «Воспоминаниях императрицы» героиня предстает уже в статусе вдовствующей императрицы, последовательно монополизирующей власть и осознающей себя заложницей политического процесса. Как отмечает А. М. Букатая, в данных произведениях «писательницей предпринята попытка отобразить процесс взросления юной девушки, трансформации ее взглядов, становление характера и “превращение” в императрицу» (2019, с. 174). Тем самым Анчи Мин вновь обращается к модели исторического повествования, в которой внимание сосредоточено не на итоговой оценке правления, а на постепенном формировании субъекта власти, включенного в сложное переплетение личных амбиций и политических обстоятельств.

Фигура императрицы Цыси относится к числу наиболее подробно изученных персонажей китайской истории и занимает значительное место в широком научно-историческом и историографическом поле. Одним из ранних примеров ее репрезентации в отечественной традиции является работа В. И. Семанова (1979) «Из жизни императрицы Цыси. 1835-1908». В предисловии к историко-художественному очерку Л. П. Делюсин определяет труд В. И. Семанова как «возможность советскому читателю ближе познакомиться с мрачными страницами истории китайского народа, в памяти которого Цыси навсегда осталась символом жестокости, коварства и мракобесия» (1979, с. 9). Такая оценочная модель, закрепляющая за Цыси негативный образ, характерна и для ряда более поздних исследований, включая книгу Юн Чжан – китайско-британской писательницы и историка, автора исторического романа-автобиографии «Дикие лебеди. Три дочери Китая» (*Wild Swans: Three Daughters of China*, 1991), – «Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835-1908» (Chang, 2013). В историографическом отношении эта работа представляет собой научно-популярное историческое исследование: опираясь на широкий круг опубликованных источников и свидетельств, автор поддерживает устойчивую традицию дискредитации Цыси, предлагая цельную интерпретацию

ее правления как ключевого фактора позднецинской политики. В отличие от историографических исследований, сосредоточенных на итогах правления и политических последствиях деятельности Цыси, романы Анчи Мин акцентируют протяженность ее жизненного пути, прослеживая постепенное обретение власти героиней как исторический и личностный процесс.

Существенное значение в романах «Императрица Орхидея» и «Воспоминания императрицы» приобретает особая организация повествовательной перспективы, принципиально отличная от нарративной модели, использованной в романе «Стать Мадам Мао». Нарратив Цыси выстраивается как совмещение временных планов: героиня одновременно существует в прошлом, настоящем и будущем, свободно соотнося собственные действия с их последующей историографической интерпретацией. Она не только вспоминает события своей жизни, но и заранее комментирует те оценки, которые будут даны ей историками и публицистами после смерти, тем самым нарушая линейную временную логику повествования: “Future historians would unanimously damn me as a ‘villain of immense power, dedicated to evil’ when referring to Emperor Guang-hsu's attempted reform, which would be called the Hundred Days, counting from the date of his first edict to the last” (Min, 2007). / «Будущие историки единодушно заклеят меня как “злодейку, обладающую огромной властью и преданную злу”, говоря о попытке реформ императора Гуансюя, которую назовут “стодневной реформой”, отсчитывая от его первого указа до последнего» (перевод авторов статьи. – К. К., О. Н.; ср. в официальном переводе (Мин, 2008, с. 351)). Совмещение временных планов сближает образ Цыси с фигурой ненадежного рассказчика, чье знание будущего вступает в противоречие с логикой исторической достоверности и одновременно подчеркивает субъективный характер всякой историографической оценки. При этом, в отличие от Цзян Цин в «Мадам Мао», допускающей возможность легитимного существования собственного образа в чужих интерпретациях, Цыси противопоставляет себя общественному мнению: «“Китайский император убит. Некоторые полагают, что его запытали до смерти или отравили заговорщики”, – писала “Нью-Йорк таймс”. <...> День за днем на меня лились потоки клеветы» (Мин, 2008, с. 354). Таким образом, нарратив Цыси строится как форма активного сопротивления внешнему дискурсу, в котором историческая память предстает как поле конфликта между личным высказыванием и коллективным суждением.

Несмотря на активное сопротивление Цыси общественному и историографическому образу, выстраиваемому вокруг ее имени, Анчи Мин не побуждает читателя к безоговорочному принятию позиции героини и признанию ее полной невинности. Напротив, в тексте подчеркивается внутренняя неустойчивость ее самооценки, связанная с попытками вытеснить чувство вины и оправдать собственные поступки: “I tried to stop my thoughts from dwelling on guilt. I told myself that Tung Chih and Alute were once true lovers and that should count and continue to count” (Min, 2007). / «Я старалась не возвращаться мыслями к вине. Я убеждала себя, что Тунчи и Алутэ когда-то были настоящими возлюбленными – и это следует признать – и впредь признавать» (перевод авторов статьи. – К. К., О. Н.; ср. в официальном переводе (Мин, 2008, с. 120)). Так обнаруживается склонность Цыси к самообману как способу сохранения внутренней целостности. Тем самым Анчи Мин предлагает сложный женский образ, в котором сопротивление внешнему давлению сосуществует с внутренними противоречиями и моральной неоднозначностью персонажа.

В совокупности рассмотренные тексты позволяют выявить специфический механизм одновременной мифологизации и демифологизации исторических персонажей в прозе Анчи Мин. Мифологизация в данном случае проявляется не в сакрализации или героизации образов Цзян Цин и Цыси, а в их включении в устойчивые культурные сценарии – фигуры «женщины у власти», «опасной актрисы», «коварной наложницы». Часть таких сценариев имеет транснациональный характер, например, стереотип массовой культуры – «опасной восточной властительницы» – dragon lady (Dave, 2014, p. 860-861). Однако другие формируются внутри китайского политико-исторического фона и закрепляются в позднейших интерпретациях. Образ Цзян Цин во многом продолжает линию общественного обличения и осуждения, утвердившуюся после 1976 года, и в биографических/публицистических нарративах оформляется как «актриса-политик», публичная фигура, превращенная в символ эпохи и удобный объект морализирующих объяснений исторических катастроф периода Культурной революции (Jeffreys, 1994; 梁家貴 [Лян Цзягуэй], 2003; 林雯玲 [Линь Вэньлин], 2014; Salino, 2021). Образ Цыси, в свою очередь, входит в роман Анчи Мин через устойчивый позднецинский и особенно западный репертуар представлений о «дворцовой интриганке / реакционной регентше», сорвавшей реформы 1898 г. и изолировавшей императора Гуансюя (汪榮祖 [Ван Жунцзу], 2009; Aldridge, 2001; 王正華 [Ван Чжэнхуа], 2012). Демифологизация, в свою очередь, осуществляется через художественные приемы, разрушающие иллюзию цельного и завершенного исторического образа: фрагментарность, нарушение линейной временной организации повествования, расхождение между внутренним высказыванием персонажа и внешними интерпретациями, а также акцент на противоречивости мотивов и решений. Анчи Мин не стремится заменить один миф другим, «положительным», но воссоздает сам процесс мифотворчества, его зависимость от дискурсивных рамок и исторического контекста. В результате историческая фигура предстает как объект постоянного переосмысления. Следовательно, мифологизация и демифологизация в прозе Анчи Мин выступают не как противопоставленные приемы, а как взаимосвязанные способы осмысления истории, позволяющие поставить под сомнение возможность однозначного исторического знания и показать условность образов прошлого.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проза Анчи Мин представляет собой целостный художественный проект, направленный на переосмысление ключевых фигур китайской истории через призму культурной памяти и личного опыта. Анализ мемуаров «Красная азалия» и исторических романов «Стать

Мадам Мао», «Императрица Орхидея» и «Воспоминания императрицы» позволяет установить, что центральным принципом авторской поэтики является отказ от односторонних интерпретационных схем, в рамках которых исторические персонажи осмысляются исключительно как жертвы или антагонисты. Напротив, Анчи Мин выстраивает образы Цзян Цин и Цыси как динамические и противоречивые в своем развитии фигуры.

Установлено, что жанрово-композиционная организация корпуса текстов Анчи Мин строится на сближении традиций мемуарной прозы и исторического романа: фокус воспоминаний героини устанавливает принцип отбора исторического материала, а историческая реконструкция расширяет частный опыт до уровня культурно значимого сюжета. Такое соединение жанров определяет структуру повествования – в тексте постоянно сменяются мемуарные фрагменты и эпизоды исторической реконструкции, активно используются смысловые переключки между разными временными пластами, а исторические события выстраиваются в той последовательности и с теми акцентами, которые задаются логикой личной памяти. В результате жанровая гибридность выступает не внешним признаком, а устойчивым композиционным механизмом, формирующим целостность всего корпуса текстов.

Выявленные в ходе исследования нарративные стратегии – внутренняя рефлексия персонажа, полифоническая организация повествования, совмещение временных планов и использование формы внутреннего монолога – обеспечивают вариативность прочтений изображаемого прошлого. Эти решения создают подвижность точки зрения и препятствуют закреплению ограниченного ракурса, что позволяет показать исторических персонажей в разных смысловых проекциях.

Выявленные механизмы мифологизации и демифологизации действуют у Анчи Мин одновременно и взаимосвязанно: с одной стороны, исторические персонажи включаются в устойчивые культурные сценарии, закрепленные в историографической традиции, с другой – эти сценарии подвергаются внутреннему разложению посредством акцента на субъективности и сложности нравственной оценки. В результате обращение к национальной истории выходит за рамки реконструкции событий и приобретает метаисторический характер: история предстает как пространство конкурирующих интерпретаций, в котором взаимодействуют личное высказывание, коллективная память и идеологический дискурс, что позволяет рассматривать творчество Анчи Мин как значимый вклад в современное осмысление исторических образов в китайско-американской литературе.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется целесообразным более детальное рассмотрение поэтики женских образов в контексте транснациональной литературы диаспоры, а также сопоставительный анализ произведений Анчи Мин с текстами других китайско-американских авторов, обращаясь к историческому прошлому. Отдельного внимания заслуживает изучение критического и читательского восприятия ее романов в различных культурных и национальных контекстах, а также анализ соотношения художественного и историографического дискурсов в современной англоязычной прозе о Китае.

Материалы исследования | Research materials

1. Бодар Л. Тень Мао. М.: Прогресс, 1996.
2. Мин А. Воспоминания императрицы. СПб.: Амфора, 2008.
3. Мин А. Императрица Орхидея. М.: Гелеос, 2007.
4. Мин А. Статья Мадам Мао. М.: Гелеос, 2006.
5. Семанов В. И. Из жизни императрицы Цыси. 1835-1908. М.: Наука, 1979.
6. Min A. Becoming Madame Mao. Boston: Houghton Mifflin, 2000.
7. Min A. Red Azalea. N. Y.: Berkley Books, 1994.
8. Min A. The Last Empress. Boston: Houghton Mifflin, 2007.

Источники | References

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Букатая А. М. Развитие современной китайской женской прозы // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Мн.: Белорусский Дом печати, 2015. Вып. 9. Ч. 2.
3. Букатая А. М. Своеобразие историзма в новейшей китайской прозе // Китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность: материалы международной научной конференции (г. Минск, 17-18 мая 2019 года). Мн.: БГУ, 2019.
4. Васильев А. Г., Высокова В. В., Заиченко О. В., Ионов И. Н., Кирчанов М. В., Маловичко С. И., Репина Л. П., Щелчков А. А. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М.: Аквилон, 2020.
5. Виноградов А. В. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. М.: Наука, 2016. Т. 9. Суд над «бандой четырех».
6. Капитонова Т. А. Исследования исторической памяти как трансдисциплинарный проект // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2019. № 4 (115).
7. Кузнецов Д. В. Кампания по борьбе с «четырьмя вредителями» в КНР (1958-1960 гг.) // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2021. № 21.

8. Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48.
9. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
10. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017.
11. Aldridge A. O. The Empress Dowager Ci-Xi in Western Fiction: A Stereotype for the Far East? // *Revue de littérature comparée*. 2001. № 1 (297).
12. Bal M. *Narratology Introduction to the Theory of Narrative*. 4th ed. Toronto: University of Toronto Press, 2017.
13. Chang J. *Empress Dowager Cixi: The Concubine Who Launched Modern China*. L.: Jonathan Cape, 2013.
14. *Cultural Memory: From the Sciences to the Humanities* / eds. D. R. Wehrs, S. Nalbantian, D. M. Tucker. N. Y.: Routledge, 2023.
15. Dave S. Stereotypes: Dragon Lady or Docile // *Asian American Society: An Encyclopedia* / ed. by Mary Yu Danico. 2014. Vol. 4. <https://doi.org/10.4135/9781452281889.n279>
16. Dix H. *Autofiction and Cultural Memory*. N. Y.: Routledge, 2023.
17. Hayot E. Immigrating Fiction: Unfailing Mediation in Dictée and Becoming Madame Mao // *Contemporary Literature*. 2006. Vol. 47. № 4.
18. Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. N. Y.: Columbia University Press, 2012.
19. Jeffreys E. Woman, Nation and Narrative: Western Biographical Accounts of Jiang Qing // *Australian Feminist Studies*. 1994. Vol. 9. № 20.
20. Lau E. K. L., Yap T. T. Anchee Min's Red Azalea: Memoir as an Enterprise to Self-Discovery // *Forum for World Literature Studies*. 2019. Vol. 11. № 4.
21. Phelan J., Rabinowitz P. J. *A companion to Narrative Theory*. Malden: Blackwell Publishing, 2005.
22. Richardson B. *Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus: Ohio State University Press, 2006.
23. Salino S. Jiang Qing, between Fact and Fiction: The Many Lives of a Revolutionary Icon // *Asien: the German Journal on Contemporary Asia*. 2021. Vol. 158-159.
24. Somerson W. Under the Mosquito Net: Space and Sexuality in Red Azalea // *College Literature*. 1997. Vol. 24.
25. *The Palgrave Handbook of Literary Memory Studies* / eds. L. Bond, S. Radstone, J. Rapson. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2025.
26. *The Routledge Handbook of Memory Activism* / eds. Y. Gutman, J. Wüstenberg. N. Y.: Routledge, 2023.
27. Xu B. A Face That Grows into a Mask: A Symptomatic Reading of Anchee Min's Red Azalea // *MELUS: Multi-Ethnic Literature of the United States*. 2004. Vol. 29. № 2.
28. Xu W. Agency via Guilt in Anchee Min's Red Azalea // *MELUS: Multi-Ethnic Literature of the United States*. 2000. Vol. 25. № 3-4.
29. Xu W. *Historical Dictionary of Asian American Literature and Theater*. L.: Bloomsbury Publishing PLC, 2012.
30. 汪榮祖. 記憶與歷史：葉赫那拉氏個案論述 // 近代史研究所集刊. 2009. № 64 (Ван Жунцзу. Память и история: кейс-исследование рода Ехэнара // Сборник Института новой истории. 2009. № 64).
31. 王正華. 走向「公開化」：慈禧肖像的風格形式、政治運作與形象塑造 // 國立臺灣大學美術史研究集刊. 2012. № 32 (Ван Чжэнхуа. К «публичности»: стилистическая форма портретов Цыси, политические механизмы их функционирования и конструирование образа // Сборник исследований по истории искусства Национального Тайваньского университета. 2012. № 32).
32. 林雯玲. 從娜拉到毛夫人—圖像、生活扮演和性別論述 // 女學學誌：婦女與性別研究. 2014. № 34 (Линь Вэньлин. От Норы до мадам Мао: визуальные образы, «разыгрывание» повседневности и гендерный дискурс // Журнал женских исследований: женщины и гендер. 2014. № 34).
33. 梁家貴. 江青：1937年底—1949年 // 《二十一世紀》網絡版. 2003. 30 Sep. (Лян Цзягуэй. Цзян Цин: конец 1937 года – 1949 год // XXI век. 2003. 30 сентября).

Информация об авторах | Author information

RU

Коробко Кристина Вячеславовна¹
Несмелова Ольга Олеговна², д. филол. н., проф.
^{1,2} Казанский федеральный университет

EN

Kristina Vyacheslavovna Korobko¹
Olga Olegovna Nesmelova², Dr
^{1,2} Kazan Federal University

¹ kristina.korobko@gmail.com, ² Olga.Nesmelova@kpfu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.12.2025; опубликовано online (published online): 26.01.2026.

Ключевые слова (keywords): исторический канон; культурная память; мифологизация; демифологизация; Анчи Мин; historical canon; cultural memory; mythologization; demythologization; Anchee Min.